

М. И. КАТАН

О ходе истории

ББК 87.3(2)6

К 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 03-03-00377

Каган М. И.

К 12   О ходе истории / Ред.-сост. В. Л. Махлин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 704 с.

ISBN 5-9551-0028-8

Настоящее издание — первая попытка представить наследие Михаила Исаевича Кагана (1889—1937) — философа, учившегося у Г. Когена, П. Натторпа и Э. Кассирера. Большая часть работ печатается впервые, по материалам из семейного архива.

Книга предназначена для всех, интересующихся историей философии и русской интеллектуальной культуры XX века.

ББК 87.3(2)6

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavvic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0028-8

9 785955 100289

© М. И. Каган, наследники, текст, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	7
<i>Ю. М. Каган. «Люди не нашего времени»</i>	10

О себе

Автобиография 1922-го года	23
Автобиографические заметки	24
Научная биография	28

Марбургская школа

Герман Коген	33
Герман Коген. «Религия разума из источников иудейства» (Конспект)	45
Пауль Наторп и кризис культуры	93
Пауль Наторп. «Социальный идеализм»	98

Кризис

Опыт систематической оценки религиозности во время войны	153
Еврейство в кризисе культуры	171
Кризис церкви	183
О религиозном кризисе современности	187
Из альманаха «День искусства»	191
Философия еврейской литературы	194

Философия истории

Как возможна история?: Из основных проблем философии истории:	
Статика истории	199
О ходе истории	238
О понятии истории	287
Предмет методологии истории	308
Философия и жизнь	309
Борьба за историю	322
Проблема единства бытия	333

Проблема индивидуальности	360
Философия и история	368
Бытие и разум – история и сознание	374
Наука, философия и религия	385
О смысле любви	387
Идея труда	390
О личности в истории	392
О личности в социологии	394
Введение в философию (лекции)	424
Монотеизм и политеизм	445
Проблема пантеизма	446
Выступление и доклад М. И. Кагана в записи Л. В. Пумпянского	447

Философия искусства

Два устремления искусства (Форма и содержание; беспредметность и сюжетность)	451
О художественной правде	467
О живом смысле искусства	483
О природе стиля	520
О проблеме скульптуры	531
Что такое искусство?	544
О красоте	545
О культуре	550
Эстетика Канта	553
Сюжет	562
Искусство как отражение	565
Тезисы по докладу Г. Г. Шпета: «О границах научного литературоведения»	569
Проблема художественной прозы	573
Иван Сергеевич Тургенев (К столетнему юбилею писателя)	576

Историческое недоумение

К вопросу о преодолении исторического идеализма	585
Недоуменные мотивы в творчестве Пушкина	593
Из переписки	629
Примечания	671

Ю. М. Каган

ЛЮДИ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В одном из воронежских стихотворений Осипа Мандельштама есть пронзительные строчки:

— Читателя! Советчика! Врача!

На лестнице колючей разговора б!

Я привожу эти слова в связи с тем, что после смерти М. М. Бахтина в печати появилось довольно много пересказов бесед с ним, разговоров. В то же время замечательный литературовед Л. Е. Пинский на одной из первых конференций, посвященных Бахтину, 31 марта 1976 года, кажется, имел все основания сказать, что этот глубочайший исследователь диалога был «философ-молчун». Во всяком случае, таким он представлялся навещавшему его в конце жизни Пинскому. Думаю, что в конце жизни Бахтина так и было. Моей матери, приглашая ее и меня навещать его почаще, М. М. Бахтин говорил: «Приходите! Вам всегда можно! У нас же с вами воспоминания!...». Здесь имелась в виду и некоторая общность духовной культуры. Даря моей матери новое издание книги «Проблемы поэтики Достоевского», он сделал такую надпись: «Дорогой Софье Исааковне Каган с уважением, любовью и в память незабвенного Матвея Исаевича...». Незабвенного.

Из опубликованных теперь писем и записочек невеликих друзей — В. Н. Волошинова, Л. В. Пумпянского, а также по обнародованным недавно в газете «Советская Мордовия» отрывкам показаний М. М. Бахтина, сохранившимся в его следственном деле, видно, что и в Невеле, и потом в Витебске, в Ленинграде были у них разговоры до утра, серьезные обсуждения серьезных книг по философии, искусству, теологии, рассказы о собственных исследованиях и размышлениях. Были собеседования и собеседники.

Когда я начала знакомиться с архивными материалами ГАХНа (Государственная Академия Художественных Наук), где мой отец был членом философского отделения, то иногда после первого документа — после листа с подписями присутствующих на том или ином заседании — дальше почти невозможно было читать, так как едва ли не каждое имя говорило о страшной участи, постигшей этих людей. Исчезали собеседники, оппоненты. Их арестовывали, изгоняли из страны, высылали, лишали возможности заниматься тем, в чем они видели свое призвание.

ние, их просто убивали... Философия и всякая свободная мысль мало-помалу становилась катакомбной, да и в катакомбах собеседников постепенно становилось все меньше и меньше. Изменялось не только их количество, но и качество. Утрачивалась преемственность мысли, речи. Ведь, — как писал мой отец в своей работе «О ходе истории», — «к слову нельзя относиться с безразличием, потому что слово всегда больше своего исключительно словесного значения...».

В начале июня 1960 года сразу после похорон Пастернака я приехала к своему учителю А. Ф. Лосеву, чтобы рассказать, как проходила в Переделкине эта церемония, кто был, что говорили... Лосева я знала давно и была совершенно поражена, увидав, что он с трудом сдерживает рыдания, плачет. Это был плач не только по Пастернаку, а и по себе, по всей ушедшей, как он думал, навсегда эпохе. Он в слезах повторял: «Какой был дух! Какой был дух на этой земле! И все погубили!» Я беспомощно пыталась его утешить, говоря, что нет, не все погублено, что есть молодые, которые сейчас стараются продолжить то, что тогда было, они читают, думают, рассуждают... Я знала таких людей. Лосев отвечал мне, что я так говорю, потому что не могу даже представить себе, какой была духовная жизнь России в конце десятых — начале двадцатых годов! Действительно, людей с интеллектом такого ранга больше мне встречать почти не доводилось.

И вот я думаю, если есть какая-то возможность не по пересказам, а непосредственно от самих тех людей не нашего времени, думающих «не по-нашему», хоть как-то представить себе, что же говорили тогда те, кого оплакивал Лосев, что хотели они сказать друг другу и тем, в ком их слова, по их мнению, могли еще найти отзвук, что от их мысли дошло до нас, то наш долг их выслушать и, несмотря на все трудности, постараться понять. Тем более что, как и все свободно думающие люди, вовсе не всегда они были согласны друг с другом. Общим у них было отличие от официально признанной идеологической «линии», а также несомненный интерес к ряду одних и тех же близких им проблем теории познания, эстетики, религиозной мысли.

М. К. Поливанов — внук философа Г. Г. Шпета, физик и историк культуры — в своей статье «Тайная свобода» писал о том, что Ахматова, говоря с ним как-то о романе «Доктор Живаго», сказала, что Пастернак описывает ее время, но что она никого в его книге не узнает. М. К. Поливанов пояснил слова Ахматовой: «Таких людей не было видно в литературно-художественном обществе тех лет, они были незаметны среди посетителей “Бродячей Собаки” или кружка около “Мусагета”. Легче представить себе их где-то среди молодого окружения участников сборника “Вехи” или, позднее, в том Невельском кружке, из которого вышли Юдина, Бахтин, Матвей Каган (...) Почти все люди этого рода были уничтожены или прожили свою жизнь очень незаметно...».

Известно, что М. М. Бахтин и мой отец были близко знакомы с 1918 года по 1921-й. Круг друзей сложился в первые послереволюционные годы в двух маленьких городах в пределах бывшей «черты еврейской оседлости» — в Невеле и Витебске. Невель для моего отца был родным городом. Еврей, сын небогатого купца-

кожевника, он учился сначала в хедере, потом в русском народном училище для еврейских детей. В 1909 году он уехал из Невеля и экстерном закончил гимназию. Латынь сдавал поэту Иннокентию Анненскому, стихи которого очень любил. (Это об Анненском О. Мандельштам писал, что тот «являл пример того, чем должен быть органический поэт: весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя статья...»¹). Получив аттестат зрелости, М. И. Каган, высокий интеллектуализм которого отмечали позднее все знавшие его, отправился в Германию с целью поступить там в какой-нибудь университет на философский факультет. Учился у Германа Когена, Пауля Наторпа, Эрнста Кассирера, а также у знаменитого Вундта и у не ставшего еще тогда знаменитым Николая Гартмана. Ко времени возвращения в Россию М. И. Каган был уже убежденным неокантианцем, доктором Марбургского университета. Он был рад обрести в Невеле новых друзей. Они были рады узнать его. Встреча их оказалась важной для всей их жизни. Учившийся в 1912 году в Марбурге у Когена Борис Пастернак писал в «Охранной грамоте» восхищенно: «Марбургское направление покоряло меня двумя особенностями. Во-первых, оно было самобытно, перерывало все до основания и строило на чистом месте (...) Не подчиненная терминологической инерции Марбургская школа обращалась к первоисточникам, т. е. к подлинным распискам мысли, оставленным ею в истории науки (...).

Вторая особенность Марбургской школы прямо вытекала из первой и заключалась в ее разборчивом и взыскательном отношении к историческому наследию (...)².

В маленьком Невеле вокруг Бахтина, Пумпянского и Кагана сложился недолго просуществовавший домашний философский семинар, который современники называли «кантовским». К 1920—1921 годам из участников этого семинара в Невеле оставались, кажется, только Бахтин и Каган. Потом Каган уехал преподавать в только что открывшийся Орловский университет. Бахтин перебрался в Витебск, потом в Ленинград. Каган стал жить в Москве. Изредка он приезжал в Ленинград, но, связанный службой, часто видеть старых друзей не мог. Связи слабели. Хотя в 1929 году в борьбе за спасение Бахтина от заключения в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ) весьма активно участвовали вместе со старым другом М. В. Юдиной и моя мать, и мой отец.

Встреча же Бахтина и моего отца произошла только через много лет. Это было в 1936 и в 1937 годах. Я была ребенком и знала о Бахтине только, что мой отец очень любит его и всегда помнит, что он в ссылке и что ему надо помогать. А чужим людям об этом ничего не рассказывать. Встречу летом 1936 года я очень хорошо запомнила. Мы читали вслух Гоголя. «Русь, куда несешься ты, дай ответ. Не дает ответа!..» В квартиру позвонили, отец пошел открывать и долго не возвращался. В нетерпении я отправилась посмотреть, что его задерживает. В коммунальной квартире, на лестничной площадке в слезах молча стояли, обнявшись, мой отец и какой-то незнакомец. Это был Михаил Михайлович. Телефона у нас не было. Приезд был неожиданным.

На лестнице колючей разговора б!..

Встречались и разговаривали они тогда каждый день. Так же было и летом 1937 года. Через пятнадцать лет они снова оказались дороги и нужны друг другу. Встреча в 1937 стала последней. В конце декабря мой отец скончался от приступа грудной жабы. Ему было 48 лет. Когда, нарушив паспортный режим, Бахтин приехал проститься со старым другом, он буквально не мог оторваться от бумаг, еще лежащих на письменном столе. Мы с матерью не знаем, что было в этом порыве; может быть, желание узнать, о чем же они не договорили... Время было страшное. Еще с середины двадцатых годов мой отец стал заниматься экономикой и изучением энергетических ресурсов СССР. В тридцатых годах он был уже известным специалистом в этой области. Проживи он дольше, его, несомненно, арестовали бы, и можно только благодарить Бога за то, что он умер дома и не попал в руки злодеев. В письмах к моей матери — она была геологом и уезжала в экспедиции — он среди прочего скупко писал о судебных процессах, о том, что вспоминает романы «Бесы», «На ножах», хроники Шекспира, писал о мучающем его прозябании, о невозможности участвовать в жизни, т. е. о невозможности жить. После последней встречи с Бахтиным, по его совету он стал записывать свои мысли о стихах Пушкина в надежде издать статью к столетнему юбилею поэта. Через много-много лет эти записи стараниями С. Г. Бочарова удалось опубликовать. Бахтин написал необходимую для издательства «внутреннюю рецензию», в которой были слова о том, что эта работа «производит освежающее впечатление». Правда, название в издательстве «Советский писатель» изменили. Было — «Мотивы трагического недоумения Пушкина». Стало: «О пушкинских поэмах». Считалось, что недоумений у Пушкина быть не могло. Тем более трагических. Конечно, жалко, что не все было записано. М. М. Бахтин настаивал, чтобы я лучше искала, внимательнее читала оставшиеся бумаги, т. к. он предполагал, что должны были быть записи не только о южных поэмах, но и о «Евгении Онегине», потому что в последний раз они об этом разговаривали... Увы, среди бумаг моего отца заметок о «Евгении Онегине» нет. Как нет записей о «Сцене из Фауста», хотя некоторые знакомые вспоминали, как он читал им эту вещь и говорил что-то «очень интересное».

И все-таки: что было до последней встречи в 1937 году? У нас сохранилось Евангелие, которое в 1919 году в Невеле подарил моему отцу расстрелянный в 1938 году Б. М. Зубакин, чьи стихи любил и незадолго до своей смерти читал моей матери и мне наизусть М. М. Бахтин. На подаренной книге есть такая надпись:

Легенды древние не миф.
Господь и мир — все *semper idem*.
Как Моисей с горы Хорив,
Обетованное мы видим.
Ошибки скорбные простив,
Мы никого не ненавидим.
И мнится нам на высях Гор
Вселенской Радости Собор!

Это стихотворение стоит особняком среди всех других стихов Зубакина. Обращает на себя внимание повторение слов «мы», «нам», сопоставление Господа и мира, ощущение того, что эти «мы» как бы окликнуты Богом и способны видеть будущее; последние же строки напоминают много раз повторяемые моим отцом слова о том, что суть истории — в цели... «Сама же цель остается трансцендентной». Перед стихотворением посвящение: «Другу и Брату...».

В частично опубликованных теперь материалах из следственного дела в одном из протоколов Бахтин писал, что в своем реферате, посвященном Шелеру, он говорил об исповеди. «Исповедь, по Шелеру, есть раскрытие себя перед другим, делающее социальным (“словом”) то, что стремилось к своему асоциальному внесловесному пределу (“грех”) и было изолированным, неизжитым, чужеродным телом во внутренней жизни человека». А за несколько лет до этого, в 1925 году, мой отец в одном из писем писал об исповеди как основной коллизии поэмы Пушкина «Братья — разбойники». Исповедь брата перед людьми, которые не ведают о братстве, перед «интернациональным сбродом безродных»... Легко предположить, что во время гражданской войны, в первые годы революции и братство, братоубийственные распри, возмездие, и исповедь, раскаяние были предметами размышления и обсуждения не у одних только невеликих друзей. «Другу и Брату» с прописными буквами написал Зубакин, который был розенкрейцером, и слова эти у него наполнились особым смыслом. Бахтин вспоминал, как Зубакин, очень отличавшийся от них, просил его и моего отца: «Я буду печку топить и воду носить, а вы разговаривайте! Только разговаривайте!».

Вероятно, М. М. Бахтин знал статью моего отца по поводу смерти Германа Когена. Она была опубликована уже в Москве, но написана еще в 1918 году, и вполне вероятно, что идеи этой статьи, касающиеся этики и эстетики, обсуждались в Невеле. «Чтобы эстетика могла быть самостоятельной, она должна иметь и свой ясный особый *род сознания* (...) Необходима не только *своеобразность* объективной идеи красоты, но и методическое обоснование ее *особого рода* сознания»³, — писал тогда мой отец. — Именно своеобразие и особость того, о чем он рассуждал, стали, главным образом, предметом его внимания.

Когда-то, еще в 1921 году, в одном из писем в Орел Бахтин писал своему старшему другу: «К сожалению, приходится признаться, что в России Вам еще долго придется быть одиноким, и встречать Вы будете в лучшем случае уважение и очень мало понимания и сочувствия, ведь у нас, как это ни дико, и под “философией” понимают нечто весьма мало похожее на то, что понимаете Вы, и не только в среде обывателей, а и присяжных наших философов...».

В работе Бахтина, относящейся к началу двадцатых годов и опубликованной позднее под названием «К философии поступка», есть место, как бы поясняющее эти слова: «Можно и должно признать, что в области своих специальных задач современная философия (особенно неокантианство) достигла очевидных высот и сумела наконец выработать совершенно научные методы (чего не сумел сделать

позитивизм во всех видах, включая сюда и прагматизм). Нельзя отказать нашему времени в высокой заслуге приближения к идеалу научной философии». И он продолжает: «Но эта научная философия может быть только специальной философией, т. е. философией областей культуры и их единства в теоретической транскрипции изнутри самих объектов культурного творчества и имманентного закона их развития. Зато эта теоретическая философия не может претендовать быть первой философией, т. е. учением не о едином культурном творчестве, но о едином и единственном бытии-событии. Такой первой философии нет, и как бы забыты пути ее создания. Отсюда и глубокая неудовлетворенность участно мыслящих современной философией...» (ФП. С. 96).

Большой интерес для попытки воссоздания того, какие разговоры велись в маленьком городе (собеседники шутливо именовали его «нашим Марбургом»), о чем они там думали, представляют неизвестные до сих пор работы моего отца, такие, например, как написанная в конце 1918 года статья «О личности в социологии», примыкающий к работе «Как возможна история?» начатый в 1920 году труд «О ходе истории» — причем, проблема «хода истории» интересовала его здесь как проблема систематической философии. Примечателен и его доклад 1922 года «Два устремления искусства» с подзаголовком «Форма и содержание; беспредметность и сюжетность», отрывок «О проблеме скульптуры», а также некоторые другие, относящиеся как раз к периоду создания преимущественно философских работ Бахтина. Знакомление с ними даст возможность ощутить некоторый контекст этих работ. («О ходе истории» объемом около 60 машинописных страниц написана по-русски и, может быть, представляет собой новый вариант написанного в 1915—1916 гг. по-немецки несохранившегося труда «Von Gang der Geschichte» объемом в 15 листов).

Прежде чем говорить что-то об этих работах, я должна предупредить, что они не были подготовлены автором к печати и представляют собой нередко черновики, фрагменты... Когда-то О. Мандельштам назвал фрагменты «драгоценными клочками», так как часто они «обрываются как раз там, где больше всего хочется продолжения...»⁴ В условиях нашей российской действительности («под этим, — как говорил Бахтин, — безблагодатным небом») приходится радоваться, что в семейных архивах фрагменты вопреки этой истории и этой действительности сохранились.

И еще одно «предупреждение». Знакомые с опубликованными работами М. И. Кагана не могли не заметить сложности изложения и без того достаточно сложных вопросов. В связи с этим я хочу рассказать, как Анастасия Цветаева, услышав в начале 1922 года у Бердяева какой-то доклад моего отца, не поняла его и сказала об этом бывшему там Б. М. Зубакину. Тот ей ответил: «Ничего нет странного! Он думает по-древнееврейски, переводит на немецкий и произносит по-русски! Но Вы слушайте его! Это — Иоанн Богослов нашего времени!». А. Лосев, хорошо знавший отца еще в ГАХНе, даривший ему свои книги, сказал мне как-то: «Матвей Исаевич не мог быть большим ученым. Для этого он — слишком хороший человек. Ученому сейчас надо многого не видеть, а он на это не был способен...».

Я не собираюсь здесь пересказывать, а тем более как-то истолковывать названные мною работы, сопоставлять их с трудами М. М. Бахтина, Пумпянского, Волошинова, Медведева, с немецкими или русскими философами. Надеюсь, что теперь в обозримый срок пролежавшие столько лет под спудом работы М. И. Кагана издадут. (Этим стал заниматься исследователь наследия М. М. Бахтина В. Л. Махлин). И тогда, помимо всего, будет видно, как плотно написаны работы М. И. Кагана. Из-за этой вот плотности из них трудно выбрать отдельные самоценные куски для беглого ознакомления. Однако есть некоторые как бы сквозные мысли, по-разному развиваемые в разных трудах. О них, вероятно, имеет смысл сказать. Например, о том, что «не всегда историческое человечество актуально живет всеми вопросами культуры, хотя в том или ином виде в истории присутствуют все вопросы...» и «на долю так называемых вечных проблем выпадает постоянный интерес к ним». Он считал, что «все проблемы оказывают то или иное историческое влияние». Писал о том, что история — в цели, что «история не только происходит, но также и задается, становится». Он писал: «Система исторического бытия будет всегда открытой, становящейся. Вне процесса историческое бытие немислимо. В этом процессе в зависимости от цели окажутся разные направления». Считал, что античность, Средневековье, Ренессанс, Реформация не только определяют какие-то периоды, но и присутствуют в истории всегда в качестве как бы структурно повторяющихся мифологем. И далее — о том, что партикулярная заинтересованность какой-либо одной стороны или каким-нибудь одним моментом способна создать лишь претензии на решение и постановку вопроса о ходе истории. О том, что тот или иной частный интерес к какой-либо одной линии пути может переходить «в сферу компетенции единства всего пути систематического процесса истории». Когда же в этом тексте встретилось замечание о том, что «нельзя будет обойти вниманием значение религии для истории в систематическом изучении ее хода», то я вспомнила пересказанные мне известным правоведом И. Д. Левиным слова моего отца в прениях по докладу С. Л. Франка еще в ноябре 1921 года: «Для историка Библия важнее Геродота!». «Цель как бы оправдывается в стремлении к имманентно-исторической целесообразности, которая является историческим долгом человека». В работе «О ходе истории» М. И. Каган писал: «Мы снова и снова начинаем жить исторически. Это процесс открытый для постоянно обновляющихся возможностей... Реально история начинается всегда».

При безусловно гуманистическом характере всех работ М. И. Кагана — независимо от того, посвящены они хозяйству, науке или искусству, — при постоянном сознании ответственности человека рассуждения о личности обращают на себя внимание как в статье «О личности в социологии», так и в работе «О ходе истории», где автор отмечает, что «феномен истории никогда не может находиться вне непосредственного отношения к человеку, к людям...», или когда он говорит, что человек — это исторически-социальное существо, цель у него не только эгоистическая, но и социально-культурная, а личность в своей непосредственной актуаль-

ной жизни есть личность альтруистическая. Во всех названных работах много внимания уделяется предвосхищению исторической цели, причастности к миру высших целей. Рассуждая о хозяйстве, он пишет: «В экономической жизни мы встречаемся с явлением потребности... Нельзя говорить, что экономическая потребность является целесообразностью предвосхищения исторически должной цели». Хочется привести и такой отрывок из статьи «О личности в социологии», написанной в Невеле почти сразу после возвращения в Россию из Германии: «Глубоко социально в своей социологической истине утверждение Маркса, что социальный труд определяет основным образом потребительскую социальную ценность. Характерно, что, несмотря на словесное пренебрежение к идеализму и этике, при обосновании истории у Маркса ценность определяется не трудом вообще как работой, не работой машины или стихии, или даже какого-то другого живого существа, кроме человека; ценность определяется человеческим трудом. И прибавочную стоимость считают только на человеческий труд. Это не упрек Марксу, а упоминание достоинства». И, как бы заключая эту характеристику Маркса, М. И. Каган отмечает: «Он гораздо более идеалистичен, чем это обычно принимают...» М. И. Каган показывает, что марксизм неправомерно включает культуру в сферу экономики, чрезмерно расширяя эту сферу.

В работе «О ходе истории» обсуждаются и такие понятия, как культура, цена, ценность, достоинство, потребности. Из потребностей М. И. Каган особо выделяет три: потребления, познания и любви. «Их “устремлениями” и измеряется ход истории. Не система цен управляет системой ценностей, а система цен входит в другие системы. (...) Объект нашего потребления может быть сам по себе субъектом для тех, кто способен относиться, помимо другого бытия, к миру другого рода — к бытию стихийного существования. Продукт потребления является только средством. В точном смысле слова — средством истории, средством культурно-человеческой жизни является только предмет экономического потребления. Все остальное уже больше чем средство...» Любовь же — это для М. И. Кагана очень важная категория, это то, что Бахтин называет «поступком», это деятельная участность в мире других людей здесь и сейчас... «Само взаимодействие между людьми есть потребность как бы сама по себе целевая... Потребность взаимодействия между людьми, целевую саму по себе, субъективно мы называем любовью. (...) Чем более объективна любовь в субъективности своей потребности, тем больше в ней непосредственно целесообразности красоты. Но любовь больше и потребности, ибо она также и действие».

«Судить прошлое можно лишь для будущего. (...) Прошлое другого должно быть моим любимым прошлым... прошлые культуры следует любить. Смерть и гибель их мне безразличны. Ни Илиада, ни плач Иеремии не имели бы места без этой любви к погибающему. В искусстве сама гибель перестает быть Гибелью. И смерть любимого человека не означает смерти любви. Лучше всех об этом знал Данте». И как бы спохватываясь, что отвлекся, продолжал: «Но мы здесь не в об-

ласти искусства, когда оно даже и соприкасается с религиозными мотивами. Мы — в области методологии истории человечества и культуры, в проблеме упадка в ходе ее...» В «Охранной грамоте» Пастернак писал: «Историю в Марбурге знали в совершенстве... На историю в Марбурге смотрели в оба гегельянских глаза, т. е. гениально обобщенно, но в то же время в точных границах здравого правдоподобья...»⁵.

Думаю, что важны также и специальные рассуждения об искусстве. Здесь надо будет обратиться к докладу М. И. Кагана «О двух устремлениях искусства» и к отрывку «О проблеме скульптуры». Интересно, что, говоря о любви как действии, как потребности преодоления противоположности внутреннему, субъекта объекту, М. И. Каган переходит к одной из самых важных для него проблем — к проблеме искусства, к проблеме красоты. «Произведение искусства внутренне живо любовью. Оно висит в какой-нибудь галерее или пребывает где-то будто бы в пассивном состоянии, но, являясь произведением искусства, внутренне живет потребностью любви. И эту любовь мы потом распространяем на весь стихийно существующий внешний мир. Даже продукты потребления мы наполняем красотой как свойством». Искусство у него входит в единство человеческой культуры и может быть понято внутри проблемы систематической философии. Доклад «Два устремления искусства» имеет подзаголовок «Форма и содержание; беспредметность и сюжетность». Начинается доклад с критики всем известного выражения «на вкус и цвет товарищей нет». Если с этим согласиться, то нельзя будет установить идентичность искусства. Мир для М. И. Кагана всегда открыт, всегда не готов, всегда не завершен. Но искусство, — считает он, — и только одно искусство осуществляет завершение. Не завершение всего в целом, а в середине, по отношению к данному моменту. «Завершенность и идентичность момента в конкретном, постоянный момент жизни — не только процесс, не только путь завершения, открытого лишь будущему. Это — уже открытая, готовая, внутренняя идентичность. Конкретные факты других сфер бытия и культуры, кроме искусства, такой идентичностью не обладают». «Ни в чем нет такой степени конкретности, такого постоянства и такой действительности, как в жизни искусства, как в художественном произведении... Здесь царствует связь, здесь постоянна неразделенность платоновского эроса. Абсолютная идентичность, постоянство имманентности — это искусство». «Со стороны объективной — смысл художественного произведения называют красотой. С другой стороны, с субъективной — его должно определять как любовь. Ни та, ни другая не абстрактны. Они не внешние, не экстенсивные. Можно сказать, что художественная жизнь — это красота любви и любовь красоты... Бытие искусства — это бытие красоты. Разум его — это разум любви».

Вспоминается Пастернак с его строками:

Всесильный бог любви,
Всесильный бог деталей...

Такая эстетика, кажется, не похожа ни на классическую, ни на формалистическую. И в докладе «Два устремления искусства», и в отрывке «К проблеме скульптуры» есть рассуждение об отражении. «Дело не в том, что жизнь отражается в искусстве. Это простая банальность, ни к чему нас не обязывающая. Вопрос в том, что это за отражение? Если угодно, дело здесь в зеркале, которое в данном случае, является эстетикой». Он пишет: «Эстетическое зеркало смысла должно нам подсказывать, что отражение действительности идет из искусства. Из искусства в жизнь, а не наоборот». И это свойство искусства М. И. Каган называет «задачей чистоты», осуществляемой художником-творцом. Понятие «чистоты» становится яснее благодаря суждению М. И. Кагана о мифе, который он понимает как «предвосхищенную завершенность эпизода с вечным фактическим смыслом». «Сюжетная завершенность» — это как бы «фабула», как бы «история». Эта концепция мифа присутствует и в его философии культуры, и в его эстетике, и в его философии истории. «Миф — это принцип и факт постоянного творческого первоначала в предвосхищении откровения будущего в настоящем и включения прошлого в постоянно открывающееся вечное настоящее, которое живет будущим». Интересно в этой связи рассуждение о празднике как о стихии искусства, в котором нуждается жизнь. «Праздник дело не праздное», — пишет он. Искусство — это праздник жизни и праздник одаренности жизнью. «В празднике — полнота достижения и чистой силы жизни, притом что ни теории, ни историческому быту это вообще не дано». Такой праздник он противопоставляет «обуреваемости праздностью при отсутствии в жизни праздника, бравированию будничным при отсутствии бытовых будней живого культурного уклада». И заканчивает он свой доклад, сделанный в советской Москве начала 20-х годов, словами Блока: «Ой, пурга какая, Спасе...». А я, прикоснувшись к этим темам, закончу другими словами. В заметках «К философским основам гуманитарных наук» М. М. Бахтин писал: «Роль памяти в этом вечном преображении прошлого. Познание — понимание прошлого в его незавершимости (в его несовпадении с самим собою). Момент бесстрашия в познании (...) Корреспондирующий момент смирения познающего» (ЭСТ. С. 410). В моем же случае это еще и стремление следовать заповеди почитания родителей.

1992

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мандельштам О.* Письмо о русской поэзии // *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 175.

² *Пастернак Б.* Воздушные пути. М., 1982. С. 211—212.

³ *Каган М.* Герман Коген // Научные известия Академического Центра Наркомпроса. М., 1922. Сб. 2. С. 119.

⁴ *Мандельштам О.* Чаадаев // *Мандельштам О.* Указ. соч. С. 89.

⁵ *Пастернак Б.* Указ. соч. С. 211—212.

О СЕБЕ

АВТОБИОГРАФИЯ 1922-го ГОДА

Родом я из Невеля, Витебской губернии. Происхожу из семьи среднего достатка. Воспитание я получил религиозное. В 1905-ом году я кончил курс Народного Училища. За год до того я оставил религиозную школу. 5 лет работал в столярно-токарной ремесленной школе, курс которой окончил с отличием. Работал год у художника по живописи. Собрался поступать в Одесскую Школу Изящных Искусств, но накануне экзамена был арестован на собрании Р.С.Д.Р.П. В 1909-ом году я в Петербурге при Исполнительном Комитете Мини-стерства Народного Просвещения сдал экзамен на аттестат зрелости и вскоре уехал в Германию. Поступил на философский факультет. Учился в Лейпциге (6 семестров), в Берлине (2 семестра) и в Марбурге. Hauptfach¹: философия. Nebenfächer²: математика, история и теория искусств. Учителями, которым я особенно обязан, у меня были по философии Вундт, молодой Липпе, Риль, Cohen, Наторп, Кассирер и др., по математике: Herglotz, Neumann, Schwarz, Hensel и др., по теории и истории искусств: Frey и Schmarsow и др. Докторская диссертация моя написана на тему: Zur Geschichte und Systematik des Problems der transzendentalen Apperzeption. После докторской работы в Archiv für systematische Philosophie, 1916, Berlin, напечатана моя работа Versuch einer systematischen Beurteilung der Religion. Закончена и сдана в печать на немецком языке работа: Zur Logik der Rechenoperationen mit negativen Zahlen (к сожалению, о судьбе этой работы еще не имею сведений). На русском языке имею работы: 1) «Герман Коген» (напеч. в № 2 Научных Известий), 2) «О личности в социологии», 3) «Как возможна история?» (издательство в Орле, Известия Орловского Университета). Сейчас работаю над двухтомной работой по философии истории и над эстетикой (первую пишу на немецком языке, вторую на русском). Время войны провел в Германии. Вернулся в Россию в 1917-ом году в качестве обменного пленного. С 1917-го года работал в разных культурно-просветительских учреждениях. Год занимал кафедру философии в Орловском Государственном Университете. Читал «Введение в философию» и вел семинарий по изучению Платона с особым вниманием на художественную сторону диалогов. Во Дворце Искусств читал несколько эпизодических лекций и курс «Мифология Ветхого Завета». Состоял и состою членом Совета Вольной Академической Духовной Культуры.

Перевел с немецкого языка книгу П. Наторпа Sozial-Idealismus, Berlin, 1921 г. (сдана в печать Госиздату).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Родился я в Псковской губернии в селе Пятницком в 1889 году, хотя по метрической записи я значусь родившимся в г. Невель Витебской губ. в 1888 г. Место моего рождения лежало вне черты еврейской оседлости, и о регистрации моего появления на свет в Псковской губернии не могло быть и речи. Только спустя некоторое время мое рождение было зарегистрировано в книге записей евреев, родившихся в г. Невеле, где я значусь родившимся 5 ноября 1888 года. 5-е ноября оказалось моим днем рождения просто потому, что на странице в названной книге записей оказалось свободное место именно на той странице, где были записаны родившиеся в этот день.

Детство я провел в Невеле, куда меня привезли в начале второго года. Первые определенные воспоминания у меня начинаются с трех лет: совершался обычный в еврейской религиозной семье обряд первой стрижки волос мальчика. До этого времени мои воспоминания единичны, обрывчаты и смутны. С этого же момента я очевидно начинаю чувствовать у себя определенные желания. Синагогу я посещал уже и до трех лет. Но к 3-м годам у меня созревает определенное сознание связи с синагогой: не только с той, где совершают молитву трижды в день (утром, вечером и после заката), но и главным образом с той, где днем мальчишки — в среднем от 5 до 16 лет — учатся у раби («меламеда», еврейского учителя) еврейским знаниям.

Мое настойчивое желание попасть в школьники исполняется, и трех лет от роду я становлюсь «хедерником». Школа помещается в синагоге, находящейся за домом моих родителей. Занятия происходят целый день с 8-9 утра до 7-8 вечера. Большую часть дня младшие дети играют; никто из взрослых играми не руководит. Самым лучшим временем для нас, школьников, были сумерки, между предвечерней и послезакатной молитвой, когда дети, собравшись в одном из углов синагоги, рассказывали друг другу не то страшные сказки, не то какие-то жуткие поэмы; не знаю, откуда мы их брали (во всяком случае, не из книг). Сочиняли; не помню ни одного, кто бы не умел рассказывать; всегда рассказы слушались с напряженным вниманием. Учитель наш и взрослые вообще никакого отношения к этим собраниям детей в углу синагоги под книжными полками в сумерках не имели. Взрослые в другом углу в это время были заняты изучением того или иного теологического трактата.

Первые чрезвычайные представления о внешней природе связаны с большим Невельским озером и лесами за городом, хотя при воспоминаниях родного города после того, как я его оставил, передо мною всегда выплывают на первый план широкие поля перед лесом и озером.

Чувство связи с людьми я обостренным образом ощутил при смерти моего младшего брата, Самуила. Мне было тогда лет 7, ему лет 5.

После этого я помню себя уже в другой еврейской школе, уже не в синагоге, а в частной квартире учителя-меламеда. Обстановка — тяжелая, крайней бедности. Встречаюсь на улице с христианскими детьми, которые говорят по-русски. Я их не понимаю. Отношусь к ним с жалостью, так как слышал, что они не знают библейских рассказов и не являются потомками тех библейских героев-предков, как еврейские дети. Общее с христианскими детьми для нас, еврейских мальчиков, — сила, физическая сила, и мы очень часто меримся ею. Частые драки. Однако скоро начинаются и общие игры, главным образом бабки и городки. Первое русское слово, которое врезалось в мою память — это с ужасным возбуждением произнесенное слово «убью!» русского мальчика, проигравшего мне партию в бабки. Значение этого слова мне было непонятно, но тон меня настолько испугал, что я убежал и скрылся в хедере. Там я узнал, что означает это страшное слово.

С этого дня у меня началось изучение русской грамоты: на еврейских книгах еврейские названия книг повторялись русскими вокабулами. Через несколько дней я читал уже не только эти слова, русское произношение которых меня крайне смешило, но и «дозволено цензурой» и другие русские надписи на еврейских книгах. «Дозволенно цензурой», которое я почему-то читал с неправильным ударением «дозвоильно цензурую», очень долгое время оставалось для меня чем-то чрезвычайно таинственным.

На девятом году жизни я неплохо говорил по-русски, связно писал и читал. К этому времени я, хотя вопреки желанию моих родителей, поступил во II-ой класс народного училища (русская школа для еврейских детей). В этой школе я оставался один год, после которого я поступил во II-отделение шестигодичного Городского Училища, где еврейских детей было меньшинство. Одновременно я начал посещать и ремесленный класс (столярно-токарное отделение) этого училища. Еврейский хедер я посещал еще до 1904 г. Городское Училище и ремесленный класс я окончил в 1905 году. Учился я неплохо. В 1904 г. вхожу в ученическую группу Р.С.Д.Р.П. Скоро после окончания Городского Училища был арестован на собрании «сходке» Невельской организации РСДРП и оставался под арестом до амнистии 18 октября 1905 г.

Арест состоялся в ночь перед моим предполагавшимся отъездом в Одессу для поступления в Школу Живописи общества Изящных искусств (интерес к живописи у меня начинается с 1903 г.).

В январе 1906 г. я уехал в Смоленск, где учился и работал как пропагандист Смоленского Комитета РСДРП до 1908 г.

В 1909 г. я сдал экзамен на аттестат зрелости при Испытательной Комиссии Петербургского Учебного Округа¹.

Пробуждение моих философских интересов я должен отнести к 1905—1906 гг. Первые философские книги, прочитанные мной, были марксистские. Сильное влияние тогда на меня оказали «Очерки реалистического мировоззрения», работы Луначарского и частью народники: Михайловский, Лавров. В 1907 году у меня сложилось определенное решение поступить на философский факультет какого-либо германского университета. С 1907 г. я к систематическим занятиям живописью уже никогда не возвращался.

По получении аттестата зрелости я уехал в Германию, чтобы получить философское образование. Сначала поступил на философский факультет Лейпцигского Университета. Состоял студентом Лейпцигского Университета 6 семестров. Там же работал у искусствоведа Шмарзова. Затем я был два семестра студентом Берлинского Университета, откуда я уехал в Марбург сдавать докторский экзамен.

К концу пятого семестра моего пребывания в Лейпцигском Университете, во время работы над моей диссертацией, посвященной истории и систематике проблемы трансцендентальной апперцепции от Декарта до Канта «*Zur Geschichte der transzendentalen Apperzeption*», я все более и более приближался к концепции марбургской философской школы. Я бы из Лейпцига поехал прямо в Марбург, но Г. Коген к тому времени переехал в Берлин, где он вел у себя на дому и в *Lehranstalt für Wissenschaft des Judentums* философские занятия. В Берлине же был тогда и Кассирер. Поэтому я решил пробыть два семестра в Берлине, откуда я уже потом с законченной диссертацией уехал в Марбург, к Наторпу, где я оставался студентом только один семестр.

Я намеривался по окончании университета уехать на некоторое время в Италию, но эта поездка осталась неосуществленной, так как началась война.

На второй день после объявления войны меня арестовали как подданного страны, воюющей с Германией. Под арестом я оставался около двух месяцев. В это время я написал свою первую после диссертации работу: «*Versuch einer systematischen Beurteilung der Religion*», которая в 1915 г. при содействии П. Наторпа была напечатана в *Archiv für systematische Philosophie* в Берлине. Статья эта делает попытку философского осмысления проблемы войны.

В это же время у меня обостряется интерес к философии истории, который с тех пор остался для меня основным научным интересом вообще. Все возникавшие у меня вопросы — будь то вопросы логики, эстетики и др. — включаются мной с тех пор в единую философскую проблему исторического бытия. Поскольку я в состоянии проследить это в моей памяти, зарождение у меня самостоятельного интереса к проблеме философии истории я должен отнести к 1907 г.

В Германии я оставался до 1918 г. К концу первого года войны мне по хлопотам Наторпа, Когена и Кассирера разрешили переехать на жительство из Марбурга в Берлин.

В Берлине я по обещанию Г. Когена должен был получить работу, которая мне давала бы средства к жизни. К сожалению, работа, которая должна была быть мне предоставлена, была не нейтрального характера, и на почве моего отказа от нее возник разрыв в моих отношениях с Г. Когеном, назвавшим меня «врагом»². Мои отношения с Г. Когеном оставались натянутыми до октябрьской революции в России, когда вопрос о патриотизме принял как у меня, так и у Когена, новое направление.

Считаю небезынтересным сообщить здесь о том, что Коген принял начало октябрьской революции за исполнение пророчества: «И будет в конце веков...». К сожалению, здесь не место рассказывать об отношении Cohen'a к октябрьской революции. О беседах об октябрьском перевороте я упоминаю здесь потому, что в беседах с Когеном я высказывался скоро после июльского переворота о том, что в России надо ждать коммунизма.

Во время брестских переговоров на основании соглашения об обмене пленными я получил возможность уехать в Россию.

Все то, что делалось тогда в России меня ужаснуло, и я все более и более уходил направо. Обратный поворот у меня начал намечаться два года тому назад. Вполне осмысленное приятие совершившейся революции я должен отнести к началу лета 1924 г.

Все внутренние моменты моего отношения к миру и историческим событиям можно проследить в моих научных работах, из которых я должен назвать здесь: 1) «О личности в социологии», 2) «Как возможна история» (напечатанная в «Известиях Орловского Государственного Университета», Орел, 1922 г.), 3) «О ходе истории», 4) «Два устремления искусства» (доклад, читанный в Философском Отделении Российской Академии Художественных Наук), 5) «О художественной правде» (доклад, читанный в Академии Художественных Наук), 6) «О промысле» (доклад, читанный в Философском Обществе при Петербургском Университете), 7) «Проблема исторического бытия» и др. доклады, читанные мною в Вольной Академии Духовной Культуры, 8) курс лекций по введению в философию (читанный в Орловском университете), 9) «О проблеме скульптуры», 9) «О живом смысле искусства», 11) курс философии истории (лекции, читанные в Петроградском Еврейском Университете), 12) «Библейская мифология» (курс лекций, читанный в Петербургском Еврейском Университете и частью во Дворце Искусств в Москве), 13) Введение в эстетику (курс лекций, читанный в Петербургском Институте Живого Слова), и др. Главной своей заботой считаю большое исследование под названием «Философия истории», частями которой должны быть логика и эстетика. Последний год работаю над исследованием под названием «Сюжеты и сюжетные мотивы А. С. Пушкина».

В последнее время в связи с моей работой в ВСНХ работаю также и над проблемами экономического характера.

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ

Почти вся моя научная деятельность, начиная с 1913—1914 гг., сосредоточена главным образом на разработке и исследовании философии как философии истории. С этим основным устремлением моей деятельности связаны также и мои работы по эстетике, философии искусства и искусствоведению. Почти все мои напечатанные, написанные и читанные работы так или иначе связаны с моим интересом к философии истории.

В конце прошлого (1923—24) академического года я приступил к окончательной обработке уже почти готовой первой части философии истории. В середине лета прошлого года я в работе этой столкнулся с моментами, заставившими меня произвести пересмотр некоторых моих также и основных взглядов. В этой проверке проходил и проходит у меня весь нынешний академический год.

Из достижений в этом пересмотре я должен, между прочим, отметить обработку проблемы труда (простой единицы труда как субстанции, функции и взаимодействия), — что находится, конечно, вне отношения к задачам Академии Художественных Наук, — и обработку проблемы художественного и эстетического *содержания*. Последняя производилась частью в связи с изучением содержания прикладных и изобразительных искусств, но главным образом в связи с исследованием содержания произведений художественной литературы. О проблеме художественного содержания я надеюсь в будущем году в Философском Отделении Г.А.Х.Н. докладывать.

В связи с изучением содержания художественной литературы я последние 5 месяцев усиленно изучал творчество А. С. Пушкина и литературу о нем. Результаты, намечавшиеся в самом начале изучения его, все более и более давали себя чувствовать, и я остался в исследовании творчества Пушкина гораздо дольше, чем я предполагал. Сейчас работа моя сильно разрослась. Если мне ничто особенно в моей работе не помешает, то, вероятно, в начале будущего года буду готов с книгой: «Сюжеты и мотивы А. С. Пушкина»¹. Намереваюсь в следующем академическом году прочитать в Философском и Литературном Отделениях Г.А.Х.Н. три или четыре доклада об этой работе: 1) Об эстетических взглядах Пушкина, 2) О сюжетах больших его произведений, 3) О внутрисюжетных мотивах творчества Пушкина и 4) Об историческом воззрений и воззрениях Пушкина.

Вместе с работою о Пушкине я возвращался также и к одному моему старому исследованию о художественных сюжетах и мотивах Библии («Библейская мифология» — на эту тему я в 1920 г. читал несколько лекций в Дворце Искусств, в Москве, в 1920 г., и курс лекций в зимнем семестре 1923 г. в Петербургском Высшем Институте Еврейских Знаний). В течение нынешнего года я возвращался и к этому исследованию, которое я, однако, пока отложил на будущее.

В нынешнем году я внимательнее, чем раньше, ознакомился с эстетическими учениями немецких романтиков. Старался следить, поскольку это было возможно, за современными немецкими исследованиями по философии и искусствоведению. Ближе, чем раньше, ознакомился с современной русской литературой и современным русским искусством вообще. Познакомился с литературой некоторых народностей, населяющих С.С.С.Р., о которой я раньше ничего не знал.

18 ноября 1924 г. читал доклад «О живом смысле искусства (стиль эпохи и роль искусства в истории)» в объединенном заседании Философского и Социологического Отделений Академий Художественных Наук. Кроме этого доклада, я в нынешнем академическом году в Г.А.Х.Н. докладов не читал. Принимал участие в работах и обсуждении докладов секций и пленума Философского Отделения Академии Художественных Наук, а также и других отделений Академии.

Подготавливаю 6 слов для Словаря эстетических терминов, по поручению соответствующей комиссии Философского Отделения. Приступил к ознакомлению с наличным в Москве материалом по эстетике ранних кантианцев, — согласно плану работ комиссии по изучению истории эстетических учений в историческом отделении Академии.

Не могу не упомянуть о том, что условия, в которых мне приходилось в нынешнем году производить научную работу, были самые ужасные: веду с семьею полуголодное существование. Последние 5 месяцев кроме, 32 р. в месяц, получаемых мною от Р.А.Х.Н., никаких заработков не имел. Несмотря на все мои старания, это все же отражается на ходе моих научных занятий.

Москва, 25-го мая 1925.

МАРБУРГСКАЯ ШКОЛА

ГЕРМАН КОГЕН

(4 июля 1842 г. — 4 апреля 1918 г.)

Герман Коген скончался в Берлине от сердечного удара. Он умер в разгар своей работы, оставив незаконченным большое исследование о религии и психологии. В 1915 г. появился, правда, его труд, «Der Begriff der Religion im System der Philosophie»*. Вероятно, скоро выйдет «Die Religion der Vernunft aus dem Quellen des Judentums», книга, отданная им в печать еще при жизни вместе с третьим изданием «Kants Theorie der Erfahrung». Систематическое исследование религии, однако, похитила у нас смерть Когена. Он еще намеревался читать в Марбурге «Энциклопедию культуры» и летом 1918 г. вести в Берлине занятия по психологии. Планы, которым не суждено было осуществиться.

Если уход из мира героической личности Когена не навеет, быть может, печали на людей, не знавших его лично, то потеря объективной культуры вследствие незаконченности его трудов несомненно тронет скорбью сердца знающих цену философским достижениям. Осознание этой потери станет еще глубже при мысли, что как раз в области психологии и религии он больше всего расходился с другим учителем марбургской школы — Паулем Наторпом.

При оценке достояния Когена мы позволим себе руководствоваться методом, указанным им же для исследования того или иного момента истории философии. Философия для Когена есть история философии, единство прогрессивного пути постановок и решений философских проблем. История эта не хаотическая; в ней есть определенное направление. Каждый момент ее, каждая философская проблема и система, каждый результат занимает определенное место в объективном процессе философии, в объективном пути постановок философских проблем. Личное философское развитие того или иного философа, поскольку оно имеет объективное значение для философии, в своем росте и прогрессе определяется тем состоянием философских проблем актуальной действительности жизни, с которым он связан и которое явилось начальным моментом его творческой деятельности в области объективной философии и культуры. В глазах Когена связь исторической и

---

* *Vgl. Töpelmann. Giessen. Philosophische Arbeiten, herausgegeben von H. Cohen und P. Natorp.*

систематической задач философии была ясна. Уже в первом издании «Kants Theorie der Erfahrung» он говорит: «Ich sah, wie systematischer Gegensatz und historischer Irrtum wechselseitig einander bedingten. Auf diesem methodischen Wege, durch Verbindung der systematischer Aufgabe...» etc.* Разрешить загадку личности того или другого философа значит определить ту новую степень, на которую его гений вознес философию, против того уровня, на котором он ее застал в начале своей творческой деятельности. Получившая с легкой руки Гегеля широкое распространение в мире мысль о том, что всякая философия является порождением своего времени, не останется для нас пустой формальной истиной, если мы придадим ей содержание, указанное Когеном для понимания момента объективного пути развития единой философии, процесса философии.

Коген начал свою деятельность, когда раздался клич: «Назад к Канту!»** Философия того времени оторвалась от наук и научной культуры. С одной стороны, господствовали пессимизм Шопенгауэра и индивидуализм Ницше; с другой стороны, отдельные специальные науки не желали считаться с философией как самостоятельной наукой и пытались сами, каждая в отдельности или объединившись в группы, ради своих партикулярных интересов завладеть философскими проблемами, которые по самой своей природе не могут оставаться чуждыми и безразличными человеческой культуре. Рядом с эстетическим пессимизмом и индивидуализмом создавалось биологическое, механическое, экономическое и т. п. миропонимание. Позади философии и культуры того времени остались цель и задача Канта «*проложить царский путь науки*» для философии как критической науки в противовес догматизму и метафизике. Не лишним будет привести здесь слова Канта о догматической метафизике, анархии и скептицизме, ибо они оставались в полной силе и в то время, когда начинал свою работу по критической философии Коген. «В начале, в эпоху догматизма правление метафизики было *деспотическим*. Но так как ее законодательство носило еще следы древнего варварства, то из-за внутренних войн ее правление постепенно выродилось в полную анархию, и скептики, своего рода номады, презирающие всякую постоянную обработку почвы, разрушали время от времени гражданское единство. Но, к счастью, их было мало, и потому они не могли мешать сторонникам догматизма постоянно вновь приниматься за работу, хотя и без всякого общепризнанного плана»***. Не менее справедливыми оказались слова Канта и о психологии, о ее роли при таком состоянии человеческой культуры. «В новейшее время был момент, когда казалось, что всем этим спорам положен конец своего рода *физиологиею* человеческого ума (известного Локка) и

* 1871. Vorrede. S. IV. («Я увидел, каким образом систематическое противоречие и историческая ошибка обусловили друг друга. На этом методическом пути, поставив в связь систематическую задачу с исторической...» — Прим. ред.)

** Zurück zu Kant! См.: O. Liebmann. «Kant und die Epigonen».

*** Kant. Kritik der reinen Vernunft. Vorrede zur ersten Auflage. Я цитирую по второму изданию перевода «Критики чистого разума» Н. Лосского, с. 4 (IX). Пг., 1915.